

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Л.Б. Вольфцун

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ ГОРДОН. СУДЬБА ИСТОРИКА

Известным знатоком Просвещения, создателем "оригинальных этюдов по истории идейной жизни предреволюционной Франции"¹ называл Льва Семеновича Гордона крупный историк и историограф Виктор Моисеевич Далин. Другой выдающийся ученый, Альберт Захарович Манфред, высоко оценивал вклад Л.С. Гордона в изучение социальной истории Просвещения, в особенности же его исследования, посвященные наиболее радикальному "плебейско-демократическому" течению общественной мысли накануне революции 1789 г. Поисками Л.С. Гордона были выявлены и введены в научный оборот имена забытых или малоизвестных авторов, таких, как Анж Гудар, Лоран Лангливель де Лабомель, Габриель Франсуа Куайе, Шарль Франсуа Тифэнз Деларош, Анри Жозеф Дюлоран². Именно этих писателей и мыслителей Л.С. Гордон считал основным нервом общественной жизни того времени. За ними, авторами дешевых книжек по 30 су, шла полуобразованная (с точки зрения энциклопедистов) молодежь; их сочинения, их публицистика стали детонатором того взрыва, который потряс Францию и Европу в конце XVIII столетия. Анализ этих сочинений и мысль о том, что общественное мнение складывается не по прочтении интеллектуальной "энциклопедии", а при появлении "дешевой", доступной для понимания и кошелька, публицистической литературы, стали основной в творчестве Л.С. Гордона. Защищенная им в конце 1967 г. в Московском Государственном педагогическом институте докторская диссертация "К истории радикально-демократического крыла французского Просвещения (1750-1780)" вызвала большой интерес, была отмечена и рекомендовала к изданию в виде отдельной монографии. Но непредвиденные обстоятельства - сначала смерть главного инициатора издания Б.Ф. Поршнева, а затем и самого автора - не позволили осуществиться этому замыслу.

Тема, избранная Л.С. Гордоном для своих научных изысканий, не была случайной в его творчестве. Не случайно он стал заниматься историей левого крыла Просвещения, судьбами демократических литераторов, публицистов и философов. Слишком многое в его жизни было созвучно их взглядам, да и сама его жизнь во многом прошла под знаком "левого крыла". Такую бурную, насыщенную событиями био-

графию трудно сыскать в академической среде, и, возможно, тот круг общения и та среда, в которой прошли молодые годы Льва Гордона, и привели его к изучению социально-психологической истории Франции именно под этим углом зрения.

Лев Семенович Гордон родился 29 ноября 1901 г. в Париже в эмигрировавшей из России еврейской семье. Его отец, Семен Львович Гордон, уроженец Петербурга, до отъезда из России служил учеником аптекаря и пробовал свои силы в журналистике. Он активно участвовал в рабочих чтениях и несколько раз арестовывался царскими властями. В 1895 г. он уехал в Англию, а через полтора года - во Францию. Там он познакомился с соотечественницей, Евой Григорьевной Гольшман, приехавшей из России вместе с маленьким сыном Григорием. Вскоре она стала его женой. Гордоны обосновались в Париже, где Семен Львович работал провизором в аптеке, затем библиотекарем в русской эмигрантской библиотеке, а потом устроился клерком в знаменитый "Лионский кредит". В 1907 г. семья вернулась в Россию, и С.Л. Гордон поступил на службу в "Сибирский торговый банк". Финансовые таланты, банковский опыт и зарубежные связи, а также принятие православия способствовали тому, что вскоре С.Л. Гордон стал доверенным лицом, а затем управляющим банка. Все эти годы он был его представителем в самых разных уголках Российской Империи - Иркутске, Благовещенске, Рыбинске, а с начала 1917 г. — в Петрограде.

Юный Лев Гордон попал в Петроград накануне великих событий. В столице все бурлило, все было пронизано предчувствием и ожиданием. Клубились политические страсти; в многочисленных литературных, философских, религиозных кружках велись нескончаемые дискуссии; в разнообразных мистических, теософских, эзотерических обществах пытались понять настоящее и проникнуть в будущее. После тихого Рыбинска Петроград был полон многочисленными искушениями и соблазнами. Лев Гордон поступил в Лентуловское училище. В эти годы он начал писать стихи и пробовать свои силы на литературном поприще. Февральскую и, особенно, Октябрьскую революции принял с энтузиазмом в отличие от отца, который считал последнюю большой ошибкой. "Он был непримиримым противником большевистской партии. Будучи сторонником буржуазно-демократической республики, Октябрьскую революцию и установление советской власти воспринимал враждебно. Считая идеи и программные установки коммунистической партии нежизненными, отец в беседах со мной стремился доказать мне, что рано или поздно большевики вынуждены будут отказаться от своих идей, поскольку они якобы лишены возможности их реального воплощения", - вспоминал Л.С. Гордон³.

В 1918г. знакомый отца еще по эмиграции, сотрудник французского посольства в России Леон Шейнис, предложил Льву, как уроженцу Франции, выехать за границу, но тот отказался⁴. Симпатии молодого Гордона были всецело на стороне победившей революции. По словам близко знавшего его с детства А. Рено, он "проявлял самый воинству-

ющий коммунизм, вследствие чего у него бывали неоднократно крупные столкновения в семье¹⁵. Голод, разруха, военная угроза, нависшая над Петроградом, все больше укрепляли его решимость защищать социалистическое Отечество. Когда весной 1919 г. ввиду наступления Юденича Центральным Комитетом РКП(б) было принято постановление "О мероприятиях по обороне Петрограда" и была объявлена мобилизация коммунистов, Гордон записался добровольцем в Красную Армию. Он был направлен переписчиком в штаб 167-й стрелковой бригады, а затем, по личной просьбе, переведен в боевую часть. В мае 1920 г., перед уходом на фронт, он вступил в РКП(б). Страстность молодого коммуниста, его вера в революцию, ораторский дар были как раз теми качествами, которые отличали комиссаров первых лет советской власти. Гордон был назначен политруком сначала в 167-ю бригадную, а затем в 56-ю дивизионную школу. Он участвовал в боях на эстонском и польском фронтах. В сражении под Новогеоргиевской крепостью 17 августа 1920 г. был ранен и попал в плен к полякам. По официальным данным считался убитым, и лишь через полгода родственники узнали, что он жив. До декабря 1920 г. содержался в Щелковском, а после его расформирования в Белицком и Ровенском лагерях для военнопленных, где неоднократно подвергался наказаниям за свои коммунистические высказывания. В плену два раза переболел тифом, после обморожения потерял пальцы на левой ноге. Из плена, будучи больным малярией, вернулся в 1921 г. по обмену пленными. Несколько месяцев пролежал в киевском госпитале, где врачебная комиссия признала у него туберкулез. Он был направлен на юг, но по личной просьбе отпущен к родителям в Петроград.

В Петроград он вернулся уже совсем другим, чем два года назад. Утратив во время плена связь с партией, он не спешил восстанавливать ее, а вскоре счел и невозможным по идеологическим расхождениям. Осенью 1921 г. Л.С. Гордон поступил на литературное отделение факультета общественных наук Петроградского университета, где его профессорами были известные филологи В.Ф. Шишмарев и В.М. Жирмунский. Там же он сблизился с профессором философии Сергеем Алексеевичем Аскольдовым⁶, с которым был знаком еще с тех пор, когда тот преподавал психологию в Лентуловском училище. Л. Гордон часто бывал у него дома, поскольку дружил с его сыном; с охотой и интересом читал предложенные книги, много спорил и беседовал. С.А. Аскольдов - философ религиозно-мистического направления - изначально не принял Октябрьскую революцию, особенно последовавшие за ней преобразования, и разговоры с ним, несомненно, стали для Гордона предметом размышлений. Постепенно собственные наблюдения, а также беседы с отцом, отрицательно настроенным к советской власти, и, возможно, с двоюродным братом А. Рено⁷ сформировали у Гордона критическое отношение к советской власти. Но в отличие от них главной ее ошибкой он стал считать введение нэпа.

В эти же годы (1921-1923) он начал всерьез заниматься литературным трудом. В литературной секции при Доме искусств он делал переводы с русского на французский стихов современных революционных поэтов, был автором книги стихов "Оттепель".

В 1923 г. его отец, служивший после Октябрьской революции в Народном, а затем в Государственном банке, получил назначение на должность директора смешанного русско-немецкого банка в Берлине. Вместе с ним выехала и семья - жена и сыновья Лев и Юлий⁸. В Берлине Лев прошел лечение в госпитале, где из груди у него извлекли осколки, оставшиеся с 1921 г., и поступил корреспондентом в русскую сменовеховскую газету "Накануне". Он давал рецензии на книжные новинки, писал заметки о советской литературе и переводил на русский стихи итальянских и немецких поэтов. Общительный характер Льва Гордона способствовал появлению довольно широкого круга знакомых в литературной среде, основными из которых были сын писателя Л.Н. Андреева Вадим и немецкий писатель Артур Голичер. Несмотря на возникающие сомнения в правильности избранного Советской Россией курса, Гордон не расставался с революционными идеалами. В Германии он встретился со своими друзьями - спартаковцами Гансом Пашем и Паулем Штоком и принял участие в запрещенной первомайской демонстрации 1924 г.

После перевода Семена Львовича в Копенгаген Лев также переехал в Данию. Некоторое время он работал волонтером в банке "Нордиске кредит", но, не зная датского языка, не смог найти подходящей для себя среды общения. Летом 1924 г., благодаря хлопотам и связям отца, он получил визу для въезда в Англию. Предоставленные директором "Нордиске кредит" Расмуссенем рекомендации позволили ему устроиться на работу в "Британский и Северо-Европейский банк". Однако уже через неделю он перешел, по приглашению управляющего, в совместный советско-английский "Аркос" банк. Гордон поселился на Эдл-Корт и поступил вольнослушателем в Королевский колледж. Его соседом по комнате был студент из Индии Куага Тонг, и благодаря этому знакомству он был принят в закрытый для европейцев Национальный индусский студенческий клуб в Лондоне. Очень быстро он вошел в литературно-художественный круг британской столицы. Неоднократно встречался с известной переводчицей и критиком Зинаидой Афанасьевной Венгеровой и ее мужем, писателем-символистом Николаем Максимовичем Минским — сотрудниками пресс-бюро советского посольства; подружился с английской журналисткой Милдред Крослей и актерами Аланом Скоттом и Эльзой (Элси) Ланчестер, в гостях у которой виделся с дочерью знаменитого анархиста П.А. Кропоткина Александрой. Общаясь с многочисленными знакомыми, Гордон не скрывал своих взглядов. Как благородный романтик, при встречах с противниками советской власти он защищал советскую Россию; встречаясь с искренними сторонниками СССР, он делился своими сомнениями. За свою страстность, горяч-

ность в отстаивании и оправдании происходившего в России он заслужил от знакомых кличку "bolshevik".

По окончании срока полугодовой визы английские власти не продлили ее. Причинами стали нарушение одного из условий стажировки - службы только в английском банке, а также чрезвычайно радикальные политические взгляды.

Весной 1925 г. Лев Гордон вернулся в Данию, а через полтора месяца вместе с отцом, назначенным директором советско-шведского банка, переехал в Швецию. В Стокгольме он поступил на службу в советское торгпредство. Желание совершенствоваться в языках и многосторонние интересы свели его с иностранцами, проживавшими в Швеции. Среди них были сотрудники американского посольства, журналисты, литераторы, актеры. Кроме того, в кругу его знакомых были и "белоэмигранты", люди, которых он пытался понять. Гордон был открыт, лишен подозрительности и контактен. В это время его отец принял решение не возвращаться в Россию и стать гражданином Франции. Он попросил сына серьезно подумать, но Лев, считая себя русским писателем и гражданином новой России, отказался от этого шага.

20 сентября 1925 г., в то время, когда его отец находился в отпуске, Лев Гордон получил предписание следовать в СССР для сопровождения груза. 24 сентября 1925 г., на другой день после прибытия, он был задержан на контрольном пункте при ленинградской таможне, куда явился за личными бумагами. Основанием для ареста стало телеграфное распоряжение КРО ОГПУ от 23.09.1925 г. По подозрению в принадлежности к английской и американской разведкам он был взят под стражу и заключен в ДПЗ. Через несколько дней было получено новое распоряжение, и "дело N1516 вместе с личностью арестованного гр. Гордона Льва Семеновича"⁹ было направлено в Москву в распоряжение КРО ОГПУ, где им занялся А.Х. Артузов. Во время следствия Л. Гордон содержался сначала в Бутырской тюрьме, а затем, в октябре 1925 г., был переведен в одиночную камеру внутренней тюрьмы¹⁰. Уже оттуда, считая все случившееся недоразумением, он писал 11 января 1926 г. следователю Рыбкину: "Еще раз категорически подтверждаю, что ни о каком шпионаже с моей стороны и речи быть не может. Человек, раненный в Красной армии, человек, считавший себя русским, поэтом, человек, отказавшийся от Франции ради своей новой родины - не покупал себе никогда и ничего предательством. Никогда я не встречался с консулом Гудсоном, никогда я не вступал ни в какие сношения ни с английской, ни с американской, ни с какой бы то ни было разведкой, никогда я не выдавал никаких тайн или сведений о СССР.

Смешно думать, что шестимесячную визу можно покупать шпионажем и мне ясно, что я стою перед нелепой и трагической для меня ошибкой - нелепой, потому что я, маленький газетный сотрудник, скромный клерк или конторщик бухгалтерии, я не мог даже знать никаких секретных сведений; и нелепой также потому, что инвалид Красной армии и поэт шпионом быть не может, и трагической по своим по-

следствиям для меня, если только здравый смысл и простая человеческая совесть не помогут Вам разобраться в моем деле в моей невиновности.

P.S. Кроме того - разве с нечистой совестью я бы решился поехать в СССР? Я же был настолько уверен в том, что это доверенное мне поручение является повышением по службе и знаком доверия, что принимая его, поблагодарил Торгпреда тов. Боева.

И я был так спокоен, что, уезжая в деловую короткую командировку, оставил все мои вещи в Стокгольме.

И, кроме того, на пограничном пункте в Ленинграде я честнейшим образом сдал мои рукописи на просмотр в ГПУ и до предоставления мне обвинения был уверен, что арестован или по ошибке, или же из-за стихов (что заставило меня сильно недоумевать). Это сообщаю только в виде напоминания".

Причастность к разведкам установлена не была, но, учитывая связи с иностранцами, а также то, что отец, занимавший крупный пост во Внешторгбанке, стал невозвращенцем и принял французское гражданство, было вынесено заключение считать, "что Гордон Л.С. является личностью неблагонадежной и подозрительной и ввиду того, что следствием больше выяснить не удастся... дело Гордона Л.С. следствием закончить и предоставить на Особое Совещание при Коллегии ОГПУ"¹¹. В январе 1926 г. Л.С. Гордон был приговорен к 3 годам ссылки по ст. 66 УК и выслан на Урал, в Ирбит.

Ирбит, небольшой уездный город, был местом достаточно захолустным. После европейских столиц он произвел на Гордона тягостное впечатление, о чем тот и написал своему брату Григорию Гольшману в письме от 11 марта 1926 г.:¹²

«Дорогие мои, получите сию научную статью (составлено по исследованиям Ливингстона и наоборот):

Ирбит.

Ты знаешь край, где не цветут лимоны,
Где спит тюлень на льдине голубой,
Куда Макар детей своей Бурены
Не гонял. Ни летом, ни зимой.

Ирбит (по-татарски Гир Бить, т.е. вшивое болото) ограничен с одной стороны севером, с противоположной югом и т.д. Расположен на реках Ирбит и Ница (так что и мы можем летом купаться в Нице), 8 169 верстах от города Свердловска. Имеет также свою широту и долготу, как положено по штату всякому географическому, хотя бы поганому, месту.

Климат - г...о (...отсылаются к источникам). Поголовье - состоит из туземцев, аборигенов, и антиподцев — не считая массы мелко-медких, как блохи, собачонок и наоборот, блох величиной с хорошего датского дога. Также есть коровы и священники, но они в счет не ждут.

Туземцы - как показывает само слово, занимаются туземьем друг друга в базарные и прочие дни, как в пьяном, так и в трезвом виде. Кроме того, на ежегодной ярмарке продают друг другу... хомут, стельную корову и три крынки снятого молока. По заключении вышеозначенных сделок переправляют их снова друг другу, разнообразя сие занятие время от времени взаиморазворыванием. Таким образом, ярмарка длится ровно месяц, по истечении какового приступают к судебному разбирательству дел, погребению спившихся и пр. Питаются исключительно климатом.

Аборигены - оберегаются смешиваться с туземцами и происходят обычно из окрестных мест, каковых имеется в изобилии. Род занятий - генеалогия, гинекология, земледелие и пр. Питаются тем же.

Антиподцы - это которые я. В просторечии именуются еще "больно шибко грамотный", вследствие чего местный элемент (антиподцы - элемент пришлый или вернее, приезжий, ходят на головах от дури и скуки, что и объясняет их научное название антиподцы) их и боится, и уважает.

Главное занятие - никакого, в остальном - составляет 11% местной драмо-опереточно-факирско-трагедийной труппы, затем уроки выпиливания лобзиком и английского языка, затем - снова идет главное занятие. Питаются тоже климатом, изредка прибавляя к нему уксус и травяное масло, для разнообразия.

Остальные сведения можно найти у Брокгауз-Ефрона... вследствие чего я передаю им слово.

Итак, прибыл я хотя 20-го, но уже успел насытить мой детский пылливый ум. Насытил так, что подташнивает. Но, как говорят в Одессе, "это только первые 10 лет трудно, а потом привыкаешь". Я и привыкну...

Цензор. Не губи мою молодость, пропускай мои письма и письма ко мне...».

Природный оптимизм, неунывающий характер и юмор помогли Гордону преодолевать невзгоды и беспросветную тоску. В октябре 1926 г. он устроился на работу в местхоз делопроизводителем, а еще раньше начал давать уроки иностранных языков. (Он владел французским, английским, немецким, итальянским, шведским и польским языками.) В Ирбите была довольно большая колония ссыльных, и уже через несколько месяцев он обзавелся широким кругом знакомств. В это же время он сблизился с ссыльными анархистами и эсерами, среди которых особенно выделялась соратница Марии Спиридоновой Лидия Мариановна Арманд¹³. Видная эсерка, с юных лет очарованная романтикой борьбы и жизнью, полной опасностей, она с такой же страстью увлеклась постижением теософских тайн. В Ирбите вокруг нее сгруппировалось небольшое общество, к которому примкнул и Гордон. Там же он познакомился с ее младшей сестрой, поэтессой и переводчицей Маргаритой Мариановной Тумповской (1891-1942), знакомой и адресатом двух стихотворений Н.С. Гумилева¹⁴. В 1927 г. они поженились.

Несмотря на приятные перемены, жизнь в Ирбите шла своим чередом. За Гордоном было установлено наблюдение: его корреспонденция перлюстрировалась, о его действиях и поступках регулярно сообщалось. В одном из рапортов, в частности, отмечалось, что "отношение Гордона к советской власти и ВКП внешне лояльное, но страшно не доволен ссылкой, говорит, что его выслали не за что; интересуется политическими событиями, читает больше иностранное обозрение и из разговоров видно, что он доволен блокадой Англии и Франции в Китае и в то же время игнорирует англо-французов за зверское отношение с китайским народом". Далее перечислялись многочисленные контакты Гордона, после чего плохо владеющий орфографией русского языка осведомитель продолжал: «День смерти т. Дзержинского Гордон оповестил всех ссыльных и просил их собраться вечером на квартире Солонович. На собрании среди порядочного числа ссыльных Гордон произнес речь следующего содержания: "Наш старый хозяин чекист здох, хорошо было бы, если бы все остальные последовали его примеру" и дальше указал на то, что тов. Дзержинский "был один из свирепейших палачей, что таких издевательств до него не существовало и он не был коммунистом, а представлял из себя попутчика-прихлебателя". Подобного рода агитация Гордона продолжалась несколько дней к ряду.

Возложенную работу делопроизводителя по благоустройству, Гордон выполняет, как будто полностью и без прекословно, составляет ведомости для расчета рабочих по ремонту зданий. Замечалось затягивание указанной работы, на что рабочие выражали недовольство, но как это делалось Гордоном, умышленно или нет, выяснить не удалось.

29.IX. Гордон в кругу политссыльных заявил: "Считая себя уравновешенным человеком, хочу предложить политические свои услуги по созданию кружка для изучения соц.-полит.-экон. вопроса". Это заявление Гоменюк и Солонович от имени анархистов отвергли и были возмущены глупостью Гордона. После чего Гордон подобного рода предложения ни кому не делал»¹⁵. (Сохранены орфография и пунктуация Документа).

Даже если предположить, что Л.С. Гордон устроил сходку по поводу смерти Ф.Э. Дзержинского, то все-таки трудно представить, чтобы он назвал его "наш старый хозяин чекист". Видимо, автор депеши решил немного добавить от себя. Понятно, что за ссыльными велось постоянное наблюдение, но такое пристальное внимание, наверное, можно объяснить еще и тем, что через все следственное дело проходит указание: "дело держать в постоянной разработке вместе с разработкой литератор". Для подобных разработок Гордон был фигурой необычайно подходящей в силу своего происхождения, связей, занятий и политических взглядов.

В декабре 1927 г. он был переведен в Пермь, где стал заниматься переводами и преподаванием языков на дому. Вскоре завязал знакомства в университетской среде, начал сотрудничать в газете "Звезда" и в живой театральной газете.

Весной 1929 г., по окончании ссылки, Лев Гордон переехал в Москву, где к тому времени жила его жена с маленькой дочкой. Работу было найти очень сложно, и он по договору занимался переводами в различных издательствах, а затем устроился секретарем в Международное общество рабочих театров. После ликвидации общества снова остался без места и, находясь в сложном материальном положении, без своего жилья (семья жила то у одних, то у других родственников), круто поменял свою жизнь.

В январе 1930 г. он отправился на юг России, в экспериментальный зерносовхоз неподалеку от Ростова-на-Дону (ст. "Верблюды"), где собирались опробовать новые формы обработки земли. В качестве консультантов туда были приглашены американские специалисты, для работы с которыми был необходим опытный переводчик. Лев Гордон, с интересом вникавший в любое дело, увлекся новыми перспективами. Рамки переводческой работы были тесны для него, и он освоил профессию механика по сельскохозяйственным машинам и тракторам. Весной 1931 г. Л. Гордон был назначен механиком Черкесского рисосовхоза на Кубани. Он научился управлять машиной, трактором, самолетом. Приобретенная им квалификация была настолько высока, что он принимал участие в первых в СССР опытах по аэросеву и написал на эту тему несколько статей¹⁶. Осенью 1931 г. Л. Гордон был приглашен в Москву в Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной авиации на должность старшего научного сотрудника. Одновременно он был назначен инструктором Управления сельскохозяйственной авиации и с 1932 г. читал курс применения авиации в народном хозяйстве в школе летчиков.

В феврале 1933 г. Гордон был арестован как участник контрреволюционной эсеровской организации, возглавляемой И.А. Сысоевой. Следствие нашло, что группа И.А. Сысоевой "ставила перед собой задачу консолидации эсеровских кадров, помощи ссыльным эсерам и установления связи с находившимися за кордоном лидерами эсеровской партии - В.М. Черновым и О.С. Минором". Лев Семенович не отрицал, что он "слушал и принимал участие в оппозиционных беседах, часто не соглашаясь с ними; передавал Ирине Александровне [Сысоевой] известные факты и слухи о совхозах и колхозах и их слабых и сильных сторонах. Обсуждал с нею вопросы будущей войны и намечающиеся исходы, помогал денежными посылками в ссылке Гельфгату¹⁷ и предлагал Ирине Александровне в случае нужды рассчитывать на него"¹⁸. Членом эсеровской организации себя не признал. В марте 1933 г. он был осужден к 3 годам лагерей и направлен в Беломоро-Балтийский лагерь НКВД. Летом 1935 г. досрочно освобожден. По этому же делу была арестована и его жена, которая показала, что не согласна с политикой ВКП(б) в области сельского хозяйства и с репрессиями ОГПУ, считая их чрезмерными. Ввиду ее беременности она была из-под стражи освобождена и судом оправдана.

Летом 1935 г. Гордоны вернулись в зерноград. Лев Семенович был зачислен в Научно-исследовательский институт механизации сельского

хозяйства на должность ученого секретаря, которую с осени 1936 г. стал совмещать с преподаванием на курсах иностранных языков при том же институте. Не имея диплома о высшем образовании, он решил заполнить этот пробел. В 1939 г. он поступил в Ростовский педагогический институт на факультет русского языка и литературы и закончил его экстерном в 1940 г. К этому времени он подготовил и частично опубликовал в журнале "Литературный Ростов" за 1937 г. перевод "Отелло" В. Шекспира; в 1939 г. в том же издании поместил перевод с украинского на русский "Думы о трех братьях" и в 1940 г. - статью о знаменитой книге Л. Кэрролла "Судьба Алисы"¹⁹.

Тогда же стали складываться его научные интересы. Пытаясь понять настоящее, он обратился к прошлому. Обратился к эпохе Французской революции, к тому, что ей предшествовало, что питало общественную мысль второй половины XVIII в. В этой связи особое внимание он уделял творчеству Вольтера, его влиянию на формирование общественного сознания. Эти интересы привели его осенью 1940 г. в Ленинград в Публичную библиотеку, где хранится знаменитое книжное собрание Вольтера. С этого времени начался новый период в его жизни, навсегда связавший Л.С. Гордона с вольтеровской эпохой.

Гордон стал готовить диссертацию и несколько раз в течение 1940-1941 гг. приезжал в Ленинград. Но началась война.

Когда немецкие войска подошли к Ростову-на-Дону, Л.С. Гордон вместе с семьей эвакуировался в Среднюю Азию. Чтобы выжить и как-то обеспечить близких, он с зимы 1941/42 г. был рабочим на нефтяных промыслах в Андижане, а затем в 1942/43 г. работал учителем русского языка в узбекской школе. Здесь, в Узбекистане его постиг тяжелый удар: умерла любимая им Маргарита. Он очень тяжело переживал смерть жены и долго не мог оправиться от этой потери. В одном из его стихотворений той поры есть такие строчки:

Когда струится на ночные крыши
Холодный, чуть голубоватый свет,
А рокот города все глуше, тише, -
Приходит та, которой не услышу,
Приходит та, которой больше нет.

Пусть ты к утру развеешься туманом,
И я проснусь - в который раз! - один,
Но принял я залогом необманым
Морщины острые и блеск седины, -
Знак, что свиданье с каждым днем все ближе.
Пусть я не знаю, через сколько лет
Я встречу с той, кого сейчас не вижу.
Увижу ту, которой больше нет.

В феврале 1944 г. он вместе с дочерью Марьяной вернулся в зерно-совхоз, а осенью 1945 г. распоряжением Наркомата был переведен в

Ленинградский институт механизации сельского хозяйства. В институте Гордон пробыл недолго, поскольку в это же время начал работу по договору в Публичной библиотеке, куда был приглашен Владимиром Сергеевичем Люблинским для редактирования "Каталога библиотеки Вольтера". В.С. Люблинский — знаток редкой книги, хранитель вольтеровской библиотеки - еще в 1940 г. обратил внимание на Гордона, когда тот приходил заниматься в качестве читателя. Та заинтересованность и страсть в работе, которая отличала Л.С. Гордона, привлекла В.С. Люблинского. Результатом занятий с вольтеровскими материалами в 1940 и 1945 гг. стала кандидатская диссертация на тему «Вольтер в работе над "Кандидом"», защищенная весной 1946 г. в Ленинградском университете. В марте 1946 г. Л.С. Гордон был зачислен в штат. (Приказ о его зачислении был подписан заместителем директора ГПБ по научной части А.Д. Люблинской.) Новая обстановка, новые люди, обретенное дело вдохнули в Гордона надежду и силы. Знакомясь с библиотекой Вольтера, изучая его читательские пометы, он понял, какие скрытые богатства таятся в ней.

Собрание книг Вольтера, купленное Екатериной II после его смерти и приобретенное Публичной библиотекой в середине прошлого века, стало по-настоящему изучаться только с конца 20-х годов нынешнего столетия. Первым эту работу начал М.Л. Лозинский, затем продолжили Д.С. Крым, З.Д. Иванова и В.С. Люблинский. Их усилиями был подготовлен "Каталог библиотеки Вольтера". На Л.С. Гордона была возложена работа по его литературной редакции и доработке. К концу 1947 г "Каталог", объемом более 60 печ.л., был отредактирован и готов к печати. В библиографическую часть каталога Л.С. Гордоном было внесено несколько уточнений, исправлявших неточности международных библиографических справочников по линии установления авторства или выходных данных. Кроме работы с "Каталогом" он занимался также описанием, определением и комментированием читательских помет Вольтера, подготовил "свод маргиналий". Им был закончен первый выпуск, охватывающий философские сочинения из библиотеки Вольтера, и велась работа над вторым, посвященным естественнонаучным вопросам. За три года работы в Публичной библиотеке Гордон сделал несколько докладов — "Естественно-исторические воззрения Вольтера", "О некоторых изданиях XVIII века во Франции", "Творческая лаборатория Вольтера (психология Вольтера-писателя)", напечатал ряд статей²⁰. Для сборника Трудов ГПБ сдал три статьи, одна из которых касалась мотивации внесенных им в "Каталог" уточнений; совместно с З.Д. Ивановой, редактором "Каталога", написал предисловие с объяснением принципов описания и использованной справочной литературы к "Каталогу библиотеки Вольтера".

В октябре 1947 г. Л.С. Гордон был утвержден в ученом звании старшего научного сотрудника Публичной библиотеки по специальности "библиография". В это же время он приступил к работе над докторской диссертацией на тему: "Философский роман западноевропейских

просветителей". В ходе работы над диссертацией тема уточнялась и корректировалась и к 1948 г. называлась уже более конкретно: "Вольтер, его книги и современники". Обосновывая свой интерес к этой теще, Л.С. Гордон писал: «Вольтер представляет собой имя спорное и поныне; его то возносят (особенно в юбилейные дни), то отвергают. При этом Вольтера поднимают на щит буржуазные исследователи, видя в нем одного из предшественников Французской революции, и представители марксистской науки, как воинствующего гуманиста; и отрицают его буржуазные исследователи за этот воинствующий гуманизм, а представители марксистской науки — за "слишком буржуазное" в его творчестве. Поэтому наш интерес вполне оправдан, и попытка уяснить его место в его эпохе среди его современников вызвана интересами науки»²¹. При этом Л.С. Гордон отмечал, что понять и оценить значение Вольтера можно лишь на широком фоне общей картины эпохи.

Помимо основной работы, научных занятий и преподавания иностранных языков и зарубежной литературы в аспирантуре Публичной библиотеки, в Библиотечном институте и студии Большого драматического театра, Л.С. Гордон увлекался спортом и был председателем секции альпинизма общества "Большевик". Зимой 1949 г. он участвовал в лыжном агитпоходе по выборам народных судей и выступал в качестве агитатора.

Огромные нагрузки подорвали и без того не очень крепкое здоровье, и осенью 1949 г. Л.С. Гордон был вынужден лечь в больницу по поводу обострившегося туберкулеза. Состояние его было довольно тяжелым. Курс лечения продлился чуть больше двух месяцев, с 6 сентября по 14 ноября, а с 12 ноября 1949 г. он был уволен по п. "Ж" ст. 47 КЗОТа (в связи с непосещением работы вследствие утраты трудоспособности свыше двух месяцев). Такое жесткое следование инструкции применялось не очень часто, и Гордон подал протест. По этому поводу его пригласили в отдел кадров, где он был арестован 16 ноября 1949 г.²²

Мерой пресечения было избрано содержание во внутренней тюрьме УМГБ ЛО под стражей. При обыске были изъяты больничный лист, талон к врачу, разные записки на девяти клочках бумаги, записная книжка и стихотворение на одном полулисте с надписью "А. Ахматова". На одном из допросов ему было предъявлено обвинение в том, что в 1923-1925 гг. он имел связь с иностранными разведками, занимался "вражеской" деятельностью против СССР, участвовал в контрреволюционной эсеровской организации и на протяжении ряда лет вел борьбу против ВКП(б) и советского правительства²³. Гордон виновным себя не признал, но заявил, что по своим убеждениям является противником политики ВКП(б) в области идеологии, укрепления государственного аппарата, карательной политики и экономики. Не отрицал он и того, что считает политику, проводимую на "идеологическом фронте, тормозом в развитии науки, литературы, искусства и философии; что в результате этой политики искусственно сокращаются возможности этих отраслей". В вопросе о государстве он утверждал, что "комму-

нистическая партия и советское правительство стремятся упрочить свое господство путем укрепления и увеличения государственного аппарата; что государственный аппарат является главной опорой партии и необходим только для партии. Что сам по себе государственный аппарат подменяет принципы рабоче-крестьянской власти и тормозит построение коммунизма". Касаясь своих политических убеждений, он сказал, что "до 1935 г. не имел постоянного политического воззрения. Так, с 1918 по 1921 г. примыкал к партии большевиков, с 1921 по 1923 г. по идейному воззрению был идеалистом, а в политическом отношении оставался на принципах военного коммунизма и одновременно с этим разделял точку зрения анархо-синдикалистского уклона в партии. В 1926 г., будучи в ссылке, примыкал к анархистам, с 1931 по 1932 г. к эсеровской группировке... с 1935 г. и по настоящее время стоит на позициях анархизма"²⁴.

В марте 1950 г. следствие было продлено в связи с тем, что "в УМГБ ЛО поступили данные о том, что представитель иностранного государства при посещении Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина настойчиво пытался установить связь с Гордоном"²⁵. Этим человеком был известный итальянский историк Франко Вентури, бывший после войны атташе итальянского посольства в Москве. Впервые Л.С. Гордон увидел его в конце 1947 г., когда в социально-экономическом читальном зале Публичной библиотеки ему представили иностранца, интересующегося библиотекой Вольтера и произведениями философов XVIII в. Между ними завязалось знакомство, основанное на общих научных интересах. Ф. Вентури подарил Л.С. Гордону несколько своих работ по Вольтеру, а тот вручил Ф. Вентури свою статью "Естественно-исторические воззрения Вольтера". Они встречались несколько раз, и последний - в октябре 1948 г.²⁶

Это "компрометирующее" знакомство было, конечно же, отягчающим обстоятельством в деле Л.С. Гордона. Он был этапирован в Москву в распоряжение следственной части по особо важным делам. Бесконечные допросы, которые чаще всего велись по ночам, постоянное давление, тюремный быт — все это вместе вызвало новую вспышку болезни. В апреле 1950 г. с диагнозом фиброзно-каверальный туберкулез Л.С. Гордон был госпитализирован в больницу Бутырской тюрьмы, где пробыл до июля. Летом следствие продолжилось, и 23 декабря 1950 г. было вынесено обвинительное заключение в том, что Л.С. Гордон, "будучи антисоветски настроенным, со своими единомышленниками занимался враждебной деятельностью против советской власти, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР"²⁷. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР он был приговорен к 10 годам в Озерный лагерь Восточной Сибири.

По прошествии половины срока, в апреле 1954 г., Л.С. Гордон подал прошение о пересмотре дела. Обосновывая свои претензии он писал о том, что привлечен к делу индивидуально, так как не имел ни од-

ной очной ставки и не был соединен ни с кем; что ст. 58-11, перешедшая в дело 1949 г. из дела 1933 г. и представлявшая, по словам следователя, всего лишь частность, не кажется ему таковой. Писал о том, что, утомленный длительным следствием и болезнью, не имел сил тогда же опротестовать этот пункт. Кроме того, он указывал, что следствие с самого начала пошло по пути обвинения его в шпионаже, предъявляя ему заведомо ложное и оскорбительное подозрение, преследующее его с 1926 г. Поэтому он прибегнул к аргументу о несовместимости шпионажа с антисоветскими высказываниями, усугубив тем самым свою вину по пункту 58—10. Он возражал и против определения следователя, что он не желает отречься от антисоветского знамени и разоружиться²⁸. По заявлению Л.С. Гордона было вынесено заключение: "Дело по ст. 58-11 УК прекратить, по ст. 58-10 ч. 1 УК меру наказания снизить до фактически отбытого, постановление ОСО от 13.01.1951 г. в отношении Гордона Л.С. отменить, из заключения его освободить и дело производством прекратить"²⁹. 28 сентября 1955 г. он был освобожден из заключения, 18 июля 1956 г. дело было прекращено "за отсутствием состава преступления", и осенью того же года Л.С. Гордон вернулся в Ленинград.

В 1956 г., после реабилитации он обратился в дирекцию Публичной библиотеки с просьбой о восстановлении на работе, но получил отказ, так как был уволен не в связи с арестом, а по болезни. За годы отсутствия в ГПБ, проанализировав свою работу над "Каталогом", он пришел к выводу, что им и всеми составителями была допущена серьезная ошибка, засорившая "Каталог". Речь идет о комплекте "Gazette de France" за 1632-1792 гг., несущем экслибрис "Bibliothèque de Voltaire" и приплюсованном к библиотеке уже в России. (Сам этот экслибрис был заказан и наклеен хранителем Эрмитажной библиотеки в Петербурге.) Об этом он написал В.С. Люблинскому, который согласился с его наблюдением. Описание комплекта было перемещено в раздел книг, не принадлежащих Вольтеру. В издании "Каталога" предполагалось, сразу же после предисловия и перед самим текстом, поместить статью Л.С. Гордона "К вопросу о расшифровке некоторых крипто-нимных изданий XVIII в.", в которых разъяснялись уточнения, внесенные в текст. Однако из-за значительного объема было решено не помещать ее в издание. Не нашла возможным Библиотека поместить ее и в Трудах ГПБ³⁰.

Не имея постоянного жилья и возможности устроиться по специальности в Ленинграде, Л.С. Гордон в 1957 г. переехал в Пермь, куда его пригласили на кафедру русской и зарубежной литературы филологического факультета Педагогического института. Он читал курс зарубежной литературы (от средних веков до начала XIX в.), французскую литературу - на французском, английскую - на английском языке. Вместе со своей женой, Фаиной Борисовной Элиашберг, с которой он познакомился в Тайшетском лагере, Л.С. Гордон написал несколько статей по русской литературе XVII в.³¹ Много времени проводил со

студентами, давал им интересные темы для сочинений, устраивал диспуты. В Пермской областной библиотеке им. М. Горького он организовал кружок любителей книги, где вел занятия по истории книги, по ее изучению.

С осени 1958 г. Л.С. Гордон стал принимать активное участие в работе только что созданной в Москве при Институте истории АН СССР группы по изучению истории Франции. Сделал ряд докладов, построенных на основе малоизученных изданий предреволюционной эпохи, хранящихся в ГПБ: «"Крайние уравниатели" французского Просвещения» (октябрь 1958 г.), "Никола Антуан Буланже и группа энциклопедистов" (март 1960 г.). Приезжая в Ленинград, работал в ГПБ, продолжал изучать библиотеку Вольтера и пришел к выводу, что в XVIII в. имелся широкий ряд представителей французского просветительства, авторов малоизвестных или почти забытых, взгляды которых отличались значительно большим радикализмом, чем взгляды самого Вольтера. Это его необычайно заинтересовало, и он направил свои исследования на поиск таких авторов и их сочинений. Результатом этой работы и стала докторская диссертация "К истории радикально-демократического крыла французского Просвещения (1750-1780)", о которой уже упоминалось в начале статьи. В ней Л.С. Гордон подробно рассмотрел творчество и идейный мир шести авторов: Г.Ф. Куайе, Л. Лабомеля, О. Руйе, А. Гудара (теоретиков) и Ш.Ф. Тифэнь Делароша, А.Ж. Дюлорана (художников слова) и пришел к убеждению, что их деятельность позволяет говорить о "наличии во французском Просвещении радикально-демократического крыла, противостоящего умеренно-буржуазному". Много внимания он уделил истории запрещенной книги и вообще тесно связывал историю идей с историей книги, полагая, что "изучение подлинной истории французского Просвещения требует от исследователя обращения к литературе эпохи (не в переизданиях XIX-XX вв.), взятой по возможности в ее полноте".

После присуждения степени доктора исторических наук Л.С. Гордон стал просить о переводе на работу в Москву или Ленинград или хотя бы в город неподалеку от одной из столиц. Просьба эта мотивировалась тем, что в Перми не было исторического факультета, а также отсутствовали крупные библиотеки и архивы. Вскоре он перешел в Саранск, в Мордовский университет, и 10 июня 1970 г. был утвержден в звании профессора по кафедре всеобщей истории, которую возглавлял с 1969 г. За эти несколько лет он написал ряд статей³², посвященных волновавшей его теме "левого крыла" французского Просвещения; принял участие в создании трехтомной "Истории Франции"³³. В августе 1970 г. был участником XIII Международного конгресса историков, проходившего в Москве. С 1970 г. начал переговоры с Институтом философии АН СССР о подготовке к изданию в серии "Философское наследие" издательства "Мысль" трудов философа Дешана³⁴. Для этого издания им были переведены "Разрешение загадки метафизики в вопросах и ответах" и переписка Дешана, а также сверены с французским

оригиналом переводы других произведений, сделанные еще в начале века Е.Д. Зайцевой. Этот сборник вышел уже после смерти Льва Семеновича Гордона, последовавшей 6 июля 1973 г.

За два десятилетия, отпущенные ему судьбой на научное творчество, он сделал довольно много. Придя в науку в достаточно зрелом возрасте, он избрал для себя направление исследований, которое было созвучно его духу. Темы, которыми он занимался, не были отвлеченными научными проблемами, а затрагивали его лично. В своих исследованиях он пытался ответить на те вопросы, которые волновали его еще с юношеских лет. Эпоха французского Просвещения была тем источником, который питал будущую революцию. И для него было крайне важно вскрыть и понять те внутренние противоречия, которые существовали в эпоху Просвещения между разными представителями "антифеодальной" мысли, обнаружить жесткую, подчас яростную, борьбу, шедшую между ними, и показать, что французское Просвещение не было плавным либерально-интеллектуальным течением, а имело свои стремнины и пороги. Несомненно, что его симпатии были целиком на стороне радикалов, в которых он видел истинных носителей революционной идеи, демократических трибунов, заслоненных тенью великих просветителей. "Буржуазия, победив в революции руками народа и присвоив себе все заслуги и плоды победы, сделала все возможное, чтобы произведения этих радикально-демократических идеологов были забыты. Мы же считаем необходимым воскресить их память и сделать их творчество достоянием науки о Просвещении: в этом весь смысл проделанной работы"³⁵.

Научные исследования Л.С. Гордона в области социальной истории Просвещения и европейского литературоведения, особенно "французского самиздата" XVIII в., были отмечены и за рубежом. В Германии, благодаря усилиям замечательного филолога Вернера Крауса, был издан сборник работ Л.С. Гордона, включивший 14 статей³⁶. Работы Л.С. Гордона получили отклики и на родине Просвещения³⁷. Своими поисками он заполнил лауну, существовавшую в изучении истории французского Просвещения и в известном смысле предварил современный интерес к проблемам "низового Просвещения". Ф. Венгури посвятил памяти Л.С. Гордона теплую статью, в которой рассказал историю своих с ним отношений начиная со встречи в Ленинграде; о переписке, продолжавшейся с 1957 г. и до конца жизни Л.С. Гордона³⁸.

И завершая очерк о жизни и судьбе Льва Семеновича Гордона, хочу привести слова, посвященные им одному из любимых его персонажей, Анри Жозефу Дюлорану. «Отчаянием и протестом против существующего строя с его "имущественными, правовыми и моральными нормами", накалом бунта, какого мы не найдем ни у одного классика Просвещения, даже у Руссо, проникнуто творчество писателя-плебея Дюлорана. Он не верит сам в грядущее "царство разума" и логикой великолепного полемиста-диалектика убеждает своего читателя. Явно

не доверяя теоретическим построениям буржуазных просветителей, Дюлоран им противопоставляет эмпирию человеческой жизнестойкости и солидарности, рожденной общим страданием и каждодневной борьбой за существование»³⁹. Думаю, что эти слова можно в полной мере отнести и к самому Льву Семеновичу Гордону.

¹ Долин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 157, 275, 276, 300.

² Французский драматург Дефорж и его пьеса о восстании русских крепостных // XVIII век. М.; Л., 1959. Вып. 4; Роман Дюлорана "Кум Матье": Из истории плебейского крыла "французского Просвещения" // Вопросы литературы. 1960. № 5; Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения // Французский ежегодник. 1959. М., 1961; К иконографии Бабефа//Там же. 1960. М., 1961; История книги и французское Просвещение (рец. на ст.: Krauss W. Über den Anteil des Bichgeschichte an des Entfaltung der Aufklärung. Sinn und Form. 1960.N 1, 2) //Вопросы литературы. 1961.№3; Социальная утопия в общественном мнении Франции XVIII в. // Учен. зап. ПГПИ. Пермь. 1961. Вып. 28; Никола Антуан Буланже и кружок энциклопедистов // Новая и новейшая история. 1962. № 1; Московский вестник 1809 г. // Русская литература. 1962. № 3; Забытый утопист XVIII в. Тифэнь Деларош // История социалистических учений. М., 1962. Вып. 1; Борьба стилей во французской литературе XVIII в. как отражение противоречий Просвещения // Тезисы межвузовской конференции по стилистике художественной речи. МГУ, 1962; "Проект всеобщего замирания" Анжа Гудара и его русский переводчик // Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Руссо. Одесса, 1962; Забытый поэт и переводчик Петр Афанасьевич Пельский (1765-1803) // Филологические науки. 1963. № 2; Gabriel-Francais Coyer et son oeuvre en Russie // Revue des etudes slaves. 1963. Т. 42; Революционный кризис во Франции 50-60 гг. XVIII в. и литература Просвещения // Проблемы истории рабочего и демократического движения. Уфа, 1963; Неизвестный публицист XVIII в. Огюстен Руйе // Французский ежегодник. 1964. М., 1965; Диалог о философском романе Дюлорана "Кум Матье" // Проблемы жанра в зарубежной литературе. Учен. зап. Уральского гос. ун-та. № 44. Серия филологическая. Свердловск, 1966; Политические максимы Лабомеля // Французский ежегодник, 1967. М., 1968; Дюлоран // КЛЭ. Т. 2; Куайе // Там же. Т. 3; Тема "благородного разбойника" Мандре-на в идейной жизни предреволюционной Франции // Век Просвещения. Москва; Париж, 1970; "Le theme de Mandrin, le brigand noble" dans l'histoire des idees en France avant la Revolution // Au siecle des Lumieres. Paris; Moscou, 1970.

³ Здесь и далее материалы следственного дела Л.С. Горцона цитируются по копиям, переданным в 1996 г. из ФСБ в Архив Российской национальной библиотеки. (Далее: Арх. РНБ). Ф. 16. Копия ел. дела П 51639. Допрос от 29.09.1950г.

⁴ Там же. Допрос от 11.01.1950 г.

⁵ Там же. Копия сл. дела П 15322. Показания А. Рено от 16.02.1926 г.

⁶ Там же. Копия сл. дела П 51639. Допрос от 27.12.1949 г.

⁷ Антон Григорьевич Рено (наст. фамилия Кочерец), двоюродный брат Льва Гордона. Родился в Париже в 1896г., куда эмигрировали его родители. До

- 1914 г. учился в Париже, затем поступил во французскую армию. В конце 1916-начале 1917 г. прибыл в Россию в составе французской моторизованной части, где служил переводчиком. Во время революции вместе с двумя французскими офицерами перешел на ее сторону и отказался вернуться во Францию. В период гражданской войны, находясь в Одессе, Николаеве и Крыму, вел подпольную работу в тылу у белых. Затем был назначен в иностранный отдел Госбанка СССР в Москве. В 1927 г. репрессирован как участник троцкистской контрреволюционной организации.
- ⁸ Юлий Семенович Гордон (1908-1942) вместе с родителями, оставшимися во Франции, погиб в фашистском концлагере в 1942 г.
- ⁹ Арх. РНБ. Ф. 16. Копия ел. дела П 15322. Постановление по делу N1516 о выяснении личности задержанного гр. Гордона Льва Семеновича.
- ¹⁰ Там же. Постановление об избрании меры пресечения от 16.10.1925 г.
- ¹¹ Там же. Заключение по делу Л.С. Гордона за подписью уполномоченного 4-м отделением КРО ОГПУ Рыбкина от 20.01.1926 г.
- ¹² Копия этого письма приобщена к материалам ел. дела П 15322.
- ¹³ Лидия Мариановна Арманд, ур. Тумповская. По мужу свойственница Инессы Арманд.
- ¹⁴ См.: *Мочалова О.* Маргарита // Сумерки. СПб., 1991. № 11. С. 145-149; *Козырева М.* Маргарита Мариановна Тумповская. Лев Семенович Гордон // Там же. С. 151-156; *Она же.* Из цикла "Портреты" // Звезда. 1997. № 6. С. 49-81. Марьяна Львовна Козырева — автор двух последних публикаций, дочь Л.С. Гордона и М.М. Тумповской.
- ¹⁵ Арх. РНБ. Ф. 16. Копия ел. дела П 15322. Спецводка по делу административно-ссылного Гордона Л.С. по состоянию на 20.10.1926 г.
- ¹⁶ К вопросу о формах участия для авиаработ // На защиту социалистического урожая. 1931. № 6; За шахматный аэросев // Там же. 1931. № 4; Организация взаимосвязи между механизацией и аэрфикацией в сельском хозяйстве // Механизация социалистического сельского хозяйства. 1933. № 2; Возможности применения авиации специального назначения в Якутии // Авиация над Якутией. 1933. № 14.
- ¹⁷ Гельфгат (Гельфготт) Александр Михайлович - муж одной из сестер Тумповских, эсерки-боевички Елены Мариановны. В 1912-1915 гг. - член ЦК партии эсеров, в 1917 г. - депутат Учредительного собрания от Московской организации эсеров.
- ¹⁸ Арх. РНБ. Ф. 16. Копия сл. Дела П 51639. Постановление по делу Л.С. Гордона от 27.11.1949 г.
- ¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. О, 1947. Ед.хр. 3. Л. 25 об.
- ²⁰ Вольтер и государство иезуитов в Парагвае // Вольтер. ЛГУ, 1947; Естественно-исторические воззрения Вольтера (по материалам его библиотеки) // Труды совещания по истории естествознания. Тезисы докладов. М.; Л., 1948.
- ²¹ Арх. РНБ. Ф. 10/1. Личное дело Л.С. Гордона. Л. 31.
- ²² Там же. Л. 51.
- ²³ Там же. Ф. 16. Копия сл. дела П 51639. Допрос от 25.11.1949 г.
- ²⁴ Там же. Допрос от 24.03.1959 г.
- ²⁵ Там же. Постановление о продлении следствия.
- ²⁶ Там же. Протокол допроса от 29.09.1950 г.
- ²⁷ Там же. Обвинительное заключение.
- ²⁸ Там же. Заявление на имя генерального прокурора от 28.03.1954 г.
- ²⁹ Там же. Заключение по делу.

- ³⁰ Обстановка в ГПБ в конце 40-х-начале 50-х годов сильно изменилась. Это было связано и с общей политикой в отношении интеллигенции, и с нагнетанием страстей вокруг "космополитов". В 1949 г. вынужден был покинуть Библиотеку выдающийся вольтеровед В.С. Люблинский, перестала работать в ГПБ и А.Д. Люблинская. Многие сотрудники, прекрасные специалисты, не смогли перешагнуть аттестацию и были уволены или понижены в должностях. Обстановка для научной работы и восстановления прав была неблагоприятной. Статья под названием "К вопросу о расшифровке некоторых криптонимных изданий XVIII в. (по материалам б-ки Вольтера)" была издана через несколько лет в сборнике: Книга. Исследования и материалы. М., 1961. Вып. 5.
- ³¹ Одна из них, «К вопросу о так называемой первой редакции "Недоросля" Д.И. Фонвизина», хранится в личном фонде Л.С. Гордона в Архиве РНБ.
- ³² О некоторых прототипах "Кандида" // Науч. доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1970. № 6; Тема "благородного разбойника" Мандрена...
- ³³ Абсолютизм XVII века (в соавт. с Б.Ф. Поршневым) // История Франции. М., 1972. Т. 1; Упадок монархии. Век Просвещения // Там же.
- ³⁴ Дом Леже-Мари Дешан. Истина, или Истинная система / Пер. Е.Д. Зайцевой и Л.С. Гордона. М., 1973.
- ³⁵ К истории радикально-демократического крыла французского Просвещения (1750-1780): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. С. 52.
- ³⁶ Studien zur plebejisch-demokratischen Tradition in der französischen Aufklärung. В., 1972.
- ³⁷ См. в частности: *Vaczko B.* Lumieres de l'Utopie. P., 1978. P. 105.
- ³⁸ *Venturi F.* In memoriam of Lev Semenovich Gordon // *Venturi F.* Studies in Free Russia. Chicago; London, 1982. P. 288-293. По-итальянски статья опубликована: *Revista storica italiana.* 1973. N 2.
- ³⁹ К истории радикально-демократического крыла французского Просвещения (1750-1817). М., 1967. С. 52.